

— Храбрый поступок, — голос Гераэля активно призывал Радуриэля усомниться в нем, — который привел к почти смертельному ранению.

Безумный подрывник ударил солдата ножом. Вонус тоже это помнил. И хотя он не говорил этого вслух, он соглашался с Радуриэлем. Были более простые способы справиться с атакующим камикадзе.

— Глупый поступок. Ты мог просто пнуть этого безумца.

Прежде чем Гераэль успел ответить, Вонус решил вмешаться. Его голос инквизитора, серьезный и официальный, раскрасил его слова.

— Капитан. Сержант, — оба обернулись к Вонусу, понимая, что с ними говорит командир, — если вы хотите уладить свои разногласия, прошу сделать это подальше от моих войск. Мораль — вещь сложная, и если заподозрят, что Астартес ссорятся, я не хочу думать, как это отразится на гвардейцах.

Ответа не последовало сразу.

Вонус продолжал хмуриться.

Молчание нарушил Гераэль.

— С вашего разрешения, лорд инквизитор.

В следующий момент он и Радуриэль уже уходили, исчезая из виду через несколько мгновений. Вонус с облегчением вздохнул, сняв остроконечную шляпу, чтобы вытереть пот с волос, — остальные тоже свободны.

Доминиус ушел сразу, тихо следуя в направлении, куда отправились его капитан и сержант. Вонус редко позволял молчаливому и спокойному Астартесу обращаться к нему.

Он слышал истории. Аетод рассказывал ему, через что прошел Доминиус ради своего ордена. Тиберек и Рамайн прошли мимо инквизитора бок о бок, повторяя слова своего капитана.

— С вашего разрешения, лорд инквизитор.

Вонус кивнул им обоим, шутливо говоря:

— Пожалуйста, убедитесь, что они не убьют друг друга. Я бы не хотел иметь дело с разъяренным Тадом в это время.

Вонус не был уверен, кто из них рассмеялся, но один из них точно засмеялся.

Вскоре они ушли, оставив его с Аетодом.

Высокий воин встал рядом с инквизитором, его шляпа гордо вернулась на свое место.

— Ваш орден сбивает меня с толку.

Аетод хихикнул.

— Могу себе представить. Мы не первые Астартес, с которыми вы сталкивались.

Вонус кивнул, его взгляд обратился к строению медики.

Гвардейцы медленно выходили из здания по одному-два. Их движения были усталыми и изможденными, но не сломленными.

Путешествие через Варп было стрессовым.

Некоторые махали ему рукой, другие с широко открытыми глазами смотрели на снявшего шлем Аетода.

— Нет, — ответил Вонус, хотя Аетод уже знал это, — но ты первый Библиарий, которого я встретил.

Аетод улыбнулся безрадостно.

— Псайкеры повсеместно боязнены и ненавидимы по всему Империиуму, инквизитор Каеде. Большинство орденов презирают даже своих собственных псайкеров, — серебряные глаза взглянули вниз на человека, — ты это знаешь.

Вонус проворчал, но ничего не сказал.

Аетод повернулся к гвардейцам. Он слышал, как комиссары и офицеры отдавали приказы. Солдаты возвращались в свои казармы, готовые к возвращению в реальное пространство и вероятности нового развертывания.

Большая бронированная рука успокаивающе легла на плечо младшего псайкера.

— Это не их вина, Вонус. Лучше людям бояться Варпа и всех его аспектов, чем так охотно его принимать.

Вонус устало вздохнул, не в силах спорить с логикой гораздо более опытного воина.

Аетод был невероятно веселым человеком, несмотря на то, что был немного изгоем среди своих братьев.

Доминиус, возможно, был его ближайшим другом, и они едва ли говорили вне боя.

Все они были странной компанией, Вонус знал это. От небольших дуэлей, которые они постоянно проводили по любому поводу, что, по-видимому, соответствовало традициям их ордена, Вонус знал, что они принесут в его жизнь не только развлечения, но и осложнения.

— Можно спросить, мой лорд, — начал Аетод, его рука покинула плечо Вонуса за мгновение до того, как он заговорил, — что нас ждет на Гелиосе?

Каеде рассмеялся, быстро следуя с кратким изложением своих ожиданий:

— В лучшем случае, ведьма, которая полностью вышла из-под контроля.

Объяснив ситуацию, Вонус начал уходить. Ему нужно было побеспокоить капитана.

— А в худшем, мой лорд?

Вонус остановился, повернувшись к Аетоду.

Они смотрели друг на друга. Они не пытались прочесть мысли друг друга, просто видели, насколько уважение одного к другому.

— В худшем случае... самый могущественный смертный псайкер в Империи.

Вонус не стал наслаждаться выражением лица Аетода, недоверчивым взглядом, который не подходил для космодесантника.

В конце концов, как бы скептически это ни казалось...

Вонус никогда не был настолько серьезен в своей жизни.

Несмотря на яркий свет, он не был болезненным. Несмотря на то, что Люциан крепко зажмурил глаза, он не отпрянул.

Несмотря на то, что он больше не стоял на твердой земле, он не бился в панике.

Если одно чувство передавалось этим странным ярким светом, так это то, что все было в порядке.

Все было хорошо.

— Ах! — зашипел Линвуд, когда его рука обожглась при соприкосновении с телом мальчика.

Инстинктивно арбитр отдернул свою обожженную руку, на мгновение стреляя по предателям, которые подкрадывались к нему.

Молодой Люциан корчился на алтаре, словно по его нервной системе проходила чистая электрическая энергия, его позвоночник выгибался дугой, пока он боролся с путами.

— Поторопись! — крикнул Кайус вниз Линвуду.

Младший арбитр уже почти израсходовал все гранаты. А это было очень плохо, учитывая, что пришедшие в себя культисты медленно, но верно восстанавливали свои ряды после начального шока и ужаса.

Скоро они будут на них.

Линвуд собрался с духом, когда припадок мальчика начал утихать. Он видел, как вены ребенка вздулись и выступили под кожей.

...это было одержание, если Линвуд мог судить.

Не на его вахте.

Не после всех этих усилий.

— По воле Императора, мальчик, ты пойдешь с нами! — он снова протянул руку.

Его рука коснулась Люциана.

И затем его мир изменился. Свет отступил на комфортное расстояние, и Люциан открыл глаза на знакомую ему картину.

Бесконечные золотые поля пшеницы и зерна, урожай Гелиоса, раскинулись перед ним.

Повернувшись на месте, мальчик осмотрелся в каждом направлении.

Свет солнца освещал великолепные золотые стебли, длина которых достигала Люциану только до груди.

Он не видел улья, ни его окраин. За это мальчик был благодарен. Он всегда считал, что они портят прекрасный вид его мира.

Но... он также не видел и своего дома.

Это было нехорошо.

Он слегка нахмурился, размышляя, что же ему здесь делать. Или какое испытание ждет его дальше.

Вместо этого голос раздался у него за спиной.

— Люциан?

Он замер.

Он знал этот голос.

Такой дорогой его сердцу и утешительный для его души, он никогда не думал, что снова услышит этот голос.

И, резко обернувшись, он был вне себя от радости от увиденного.

Стоя среди слегка покачивающихся полей, была Алена.

Его мать. Одета в прекрасное белое платье, ее волосы свободно развевались на легком ветру великих равнин Гелиоса.

И Люциан даже не колебался.

В безумном броске к улыбающейся женщине он столкнулся с ее талией, его руки крепко обняли ее.

Она встретила его рывок, обнимая мальчика в своей теплой форме.

— Мамочка, — прошептал он, слезы текли из его глаз.

— О, Люциан, — сказала Алена, и просто услышав улыбку на ее лице, молодой мальчик еще сильнее уткнулся лицом в ее живот, его руки отчаянно сжимали ткань ее одежды.

Он не отпустит ее.

Он не потеряет ее.

Не снова.

Нежная рука погладила его по спине, пока он тихо плакал.

— Ну-ну, — прошептала она ему, единственная сущность в спокойствии равнин, — ну-ну.

В конце концов, его слезы утихли, и, немного всхлипывая, Люциан поднял голову от нее.

Просто увидев ее лицо, он снова пустил несколько слезинок, но мальчик подарил ей самую яркую улыбку.

Люциан потерял слова на несколько мгновений. Когда его юный ум не смог выразить все, его сердце наконец-то нашло истину.

— Я скучал по тебе, — слегка всхлипнул он.

Алена присела, улыбка все еще освещала ее лицо.

Рука поднялась, чтобы вытереть его лицо, медленно удаляя следы слез. Смущенно, Люциан отвернул голову, также пытаясь стереть следы своих слез.

— Мой дорогой мальчик, — наконец сказала Алена, — я тоже скучаю по тебе.

Более собранный, чем раньше, Люциан наконец-то задал один вопрос из тысячи, что у него были.

— Мы можем пойти домой сейчас?

Смех Алены был почти музыкальным, но она грустно покачала головой.

Люциан мягко нахмурился, его голос был тихим и обеспокоенным, — почему нет?

Улыбка Алены превратилась в улыбку, которая осветила мрачное настроение Люциана.

— Потому что, маленький плут, у тебя еще так много дел.

<http://tl.rulate.ru/book/108090/4302202>